

Источники говорят нам, что в низовьях Днепра и Днестра в конце X в. сохранялись пункты с оседлым населением. Таково селение Борюн, где пришлось довольно долго пробыть греческому топарху (прежде чем унялась начавшаяся зимняя вьюга).¹ Согласно „Записке греческого топарха“, византийский военный отряд направляется домой в зимнее время по южно-русской степи — в направлении Маврокастропа. В половине XI в. мы видим даже в этом Маврокастропе византийскую церковную митрополию, носящую название „Маврокастрон“ или „Новая Россия“.² Торговые сношения велись не только по Днепру, но и по Днестру. В таможенных правилах, изданных в Раффельштетте около 904 г., говорится о славянских купцах, приходящих из Чехии и „Ругии“, т. е. Руси („Ругией“ в Западной Европе называли Русь, о чем свидетельствует продолжатель Регинона, называвший Ольгу правительницей ругов).³

Ибрагим ибн Якуб (X в.) сообщает, что из Кракова приходят в Прагу Русь и славяне и привозят туда рабов, олово и меха.⁴ Из письма хазарского царя Иосифа Хасдаи ибн Шафруту явствует, что существовал торговый путь из Праги через Карпатские перевалы в Буковину; здесь этот путь через Днестр переходил на Днепр и далее вел в Азовское море и Хазарию. Везде по этому пути были расположены еврейские торговые колонии.⁵ Еще Г. Манойлович справедливо усомнился в правильности сообщений Константина о заселенности юга Северного Причерноморья между Днестром и Дунаем исключительно печенегами и о полном отсутствии здесь оседлой жизни в половине X в.⁶

До сих пор не было обращено внимание на то, что Константин, описывая взаимоотношения печенегов с Русью, преувеличивает роль и значение этих кочевников. При этом Константин противоречит самому себе. С одной стороны, он сообщает, что печенеги часто грабили Русь и причиняли ей много вреда и убытков, что русские стараются жить с ними мирно, потому что в случае войны они чувствуют себя отрезанными от юга, главным образом от Царьграда. Враждебные печенеги в таком случае ждут русских у днепровских порогов и здесь, пользуясь их затруднительным положением при переходе порогов, избивают их и обращают в бегство. Константин утверждает даже, что „руссы не могут приезжать в сей царствующий град Ромеев, если не живут в мире с печенегами, ни ради войны, ни ради торговых дел“ (*οὐτε πολέμου χάριν οὐτε πρᾶγματείας*).⁷ Поэтому чтобы избавиться от их вражды и воспользоваться их помощью, русские избегают воевать с печенегами и иногда вступают с ними в союз. Но вместе с тем в главе 9 автор трактата сообщает, что русские торговые караваны ежегодно совершают путь по Днепру и Черному морю в Константинополь, успешно отражая нападения печенегов, что последние не

¹ В. Г. Васильевский. Записка греческого топарха, „Труды“, т. II, вып. 1, СПб., 1909, стр. 149; М. А. Шангин. Византийские источники о войне Святослава с греками. Архив ЛОИИ, стр. 114.

² „Revue de l'Orient Chrétien“, XIV (1909), p. 212; E. Honigmann. Studies in Slavic Church History. „Byzantion“, v. XVII, 1944—1945, p. 158.

³ М. С. Грушевский. Киевская Русь, т. I, СПб., 1911, стр. 359.

⁴ А. Куник и В. Розен. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Записки АН, т. XXXII.

⁵ F. Westberg. Ibrahim's Ibn Jacob's Reisebericht über die Slavenlande. „Записки императорской Академии наук по историко-филологич. отд.“, 8 серия, т. III, № 4, СПб., 1898, стр. 135.

⁶ Г. Манойлович. Этюды о сочинении „De administrando imperio“, стр. 46—53 (Рукопись, Архив АН СССР).

⁷ De adm. imp., p. 75—79.